

интонацию, резко выделяющую это место из всего драматического повествования, контрастирующую с последним.

В. Виноградов обратил внимание на обилие в «Житии» уменьшительных форм и сочетаний слов с ласкательными эпитетами, слов с определенным эмоциональным содержанием, обнаруживающим отношение рассказчика («горюн», «горемыка», «свет», «кормилец», «надежа»), на частое употребление глагола «плакать». Мы не можем согласиться с тем, что это окрашивает «Житие» в «сентиментальный тон»⁴⁰ (В. Виноградов). Взятые сами по себе, вне контекста, эти слова, может быть, и способны создать впечатление излишней чувствительности. Однако в общей высоко-драматической тональности «Жития», в связи с подлинным горем и страданиями, с высоким накалом всех чувств, эти слова вполне уместны: они лишь подчеркивают драматизм положений и чувств героев. Сентиментальность возникает при несоответствии степени выражения чувств характеру и глубине самого чувства — этого в «Житии» нет. В дополнение к наблюдениям исследователей в этом плане следует указать на наличие в «Житии» формы собирательных существительных: «батожьё», «кнутьё» (вместо батог, кнуты), которая выразительно оттеняет жестокость наказания.

Наконец, обратим внимание, что драматизм содержания «Жития» определил не только своеобразный монолог рассказчика-героя, оснащенный отмеченными средствами художественной выразительности, но и важное значение речи других персонажей и диалогов как средства обрисовки характеров и выражения идейного замысла. Так, образ Настасьи Марковны по существу создан одним этим средством, очерчен в нескольких репликах, которые она произносит при чрезвычайно драматических ситуациях: во время перехода через Иргень-озеро и в момент кратковременных колебаний самого Аввакума. Ярко сказывается характер казаков в немногих словах, обращенных при обыске к Настасье Марковне: «Матушка, опочивай ты, и так ты, государыня, горя нетерпелась». Патриарх Никон живо обрисован в двух контрастных сценах средствами драматической характеристики — двумя короткими репликами, в которых прекрасно передается характер лицемерного и циничного политика.⁴¹ Характер самого Аввакума, когда он перестает быть героем-рассказчиком, а предстает как действующее лицо «Жития», чаще всего раскрывается в произносимых им репликах. С этой особенностью обрисовки характеров связана и другая: психологически верное раскрытие внутреннего состояния героев достигается в «Житии» не описанием этих состояний и чувств, а с помощью их «внешних симптомов», как верно отметил В. В. Виноградов.⁴² На эту особенность обратил внимание также Р. Ягодич: «Его изображение при всей страстной заинтересованности рассказываемыми событиями охватывает только действия. . . Очень сдержан он также при рассказе о душевных состояниях».⁴³ Мы соглашаемся с высокой оценкой, какую дает немецкий исследователь этой особенности стиля Аввакума: «Он создал собственный, полный действительности стиль, который составляет нечто исключительное по сравнению со всем, что было написано в то время».⁴⁴ Однако исследователи не дали объяснения этой особенности стиля Аввакума. Ее следует рассматривать не как недостаток психологи-

⁴⁰ Русская речь, стр. 257

⁴¹ См.: Житие, стр. 79, 83

⁴² Русская речь, стр. 254.

⁴³ Jagoditsch, стр. 67

⁴⁴ Jagoditsch, стр. 65